

УДК 81r373.47:930.272

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В ИНДИВИДУАЛЬНО- АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА И.А. БУНИНА («ДЕРЕВНЯ», «ТАНЬКА», «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»)

БУГАКОВА Надежда Борисовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации;

ПОПОВА Юлия Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,

Воронежский государственный технический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению случаев употребления И.А. Буниным религиозной лексики, выявлению и анализу индивидуально-авторских особенностей функционирования интересующих нас лексем в отобранных для исследования текстах. Впервые предпринята попытка классификации данных лексем, выявлены специфические ситуации, связанные, на наш взгляд, с тем, что в произведениях писателя находит отражение индивидуально-авторская картина мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозная лексика, образ, Бог, икона, крест, церковь, молитва, праздник.

**SOME PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF RELIGIOUS VOCABULARY
IN I.A. BUNIN'S WORLD VIEW ("THE VILLAGE", "TANKA",
"ANTONOV APPLES")**

BUGAKOVA N. B.,

Cand. Philolog. Sci, Docent of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication;

POPOVA Y. S.,

Cand. Philolog. Sci, Docent of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,

Voronezh State Technical University

ABSTRACT. The article is devoted to consideration of cases of I. A. Bunin's use of religious vocabulary, identification and analysis of individual author's peculiarities of functioning of lexemes under the investigation in the texts selected for research. The authors for the first time made an attempt to classify the lexemes and to identify specific situations, connected with the fact that the writer's works reflect his own world view.

KEY WORDS: religious vocabulary, image, God, icon, cross, church, prayer, holiday.

В индивидуальном стиле писателей, ученых, общественных деятелей не только особым образом отражаются характерные черты господствующего стиля мышления эпохи, но и оформляются элементы нового. В структурной поэтике предметом специального анализа становится индивидуальная картина мира писателя или поэта, который иногда даже опережает эпоху, выявляя те тенденции в изменении концептуальной системы, которые лишь впоследствии становятся очевидными для остальных членов культурного сообщества [1].

Индивидуальная авторская картина мира отражается в художественной картине мира, в которой могут быть обнаружены концепты, присущие восприятию мира только данного автора, – индивидуальные концепты писателя [2]. Естественно, что языковая картина мира неизбежно обладает национальной спецификой, которая выражается в семантике языка и способна отражать религиозный аспект [3]. Каждый естественный язык реализует оп-

ределенный способ концептуализации мира. Этот способ отчасти универсален, отчасти специфичен; связано это с тем, что языковые знаки служат средством представления основных установок культуры, так что носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков [4].

В связи с наличием большого количества видов сознания (индивидуальное, коллективное и т.п.) мы можем говорить и о большом количестве языковых картин мира.

Одной из таких картин будет являться религиозная картина мира как фрагмент языковой картины мира писателя. В данной работе нас интересуют особенности функционирования религиозной лексики в языковой картине мира И.А. Бунина.

Для анализа нами были отобраны тексты И.А. Бунина «Танька», «Деревня», «Антоновские яблоки». Подобный выбор обусловлен, на наш взгляд, наибольшей репрезентативностью с точки зрения искомого материала. Выявленные случаи употребления автором религиозной лексики были расклассифицированы в соответствии с частотностью употребления.

Думается, что наиболее популярными в рассматриваемых произведениях являются лексемы, вербализующие образ некой сверхъестественной сущности, которая выступает объектом поклонения. В первую очередь для реализации этой цели автором используется, естественно, лексема «Бог». Известно, что в религии Бог – это верховное всемогущее существо, управляющее миром, предмет поклонения, обожания. Человек верующий, религиозный традиционно полагается на Бога, призывает помочь, надеется на эту так необходимую помощь, благодарит за все, что происходит в его жизни. Распространенность подобных жизненных ситуаций обуславливает, на наш взгляд, частотное использование автором рассматриваемых произведений лексемы «Бог» и синонимичных ей лексем «Христос», «Господь». Обратимся к примерам:

«...лошадники-мещане, были, и правда, свирепы на вид, особенно последний – Талдыкин. Он пришел позднее, а до него два первые только цену сбивали. Они наперевой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

– Ну, – кричал один, – смотри сюда, получай с богом деньги!

– Не мои они, побереги, полцены брать не приходится, – уклончиво отвечал Корней.

– Да какая же это полцена, ежели, к примеру, кобыленке боле годов, чем нам с тобой? Молись Богу!» [5].

В данном примере лексема «Бог» фигурирует дважды. В первом случае упоминание бога призвано напомнить нам о Его помощи в различных ситуациях, а во втором – о необходимости благодарить за все, что происходит в жизни. Аналогичный случай употребления лексемы «Бог» видим в следующем примере:

«Талдыкин быстро всунул кулак в угол губ лошади, взглянул как бы мельком ей в зубы и, обтирая руку о полу, насмешливо и скороговоркой спросил:

– Так не стара? Твой дед не ездил венчаться на ней?.. Ну, да нам сойдет, получай одиннадцать желтеньких.

И, не дожидаясь ответа Корнея, достал деньги и взял лошадь за оброть.

– Молись богу да полбутылочки ставь.

– Что ты, что ты? – обиделся Корней – Ты без креста, дядя!» [5]. Оборот «молись Богу» напоминает верующему человеку о необходимости поблагодарить Бога за решение проблемы.

«Странник обулся, умылся, помолился Богу; широкая его спина в засаленном кафтане, похожем на подрысник, сгибалась только в пояснице, крестился он широко» [5]. В данном случае лексема «Бог» вербализует образ Бога как предмета поклонения; молитва, то есть обращение к Богу, обязательна и осуществляется непременно, как необходимый ритуал.

Путем использования лексемы «Бог» в следующем примере И.А. Бунин вербализует образ бога как существа, способного управлять миром, чем подчеркивает всемогущество предмета поклонения религиозного человека:

«Странник исподлобья долго глядел на нее и сказал:

– Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

– Нечего, – повторил странник. – Бог даст день, Бог даст пищу» [5].

«В риге начинается молотьба. Медленно расходясь, гудит барабан молотилки. ... С Богом! – говорит подавальщик, и первый пук старновки, пущенный на пробу, с жужжаньем и визгом пролетает в

барабан...» [6]. В данном случае при помощи лексемы «Бог» вербализуется образ бога как верховного всемогущего существа, на помощь которого надеются и о помощи которого просят.

В следующем примере присутствует фразеосочетание «Христа ради», в составе которого есть падежная форма лексемы «Христос». С точки зрения религии Иисус Христос – это центральная личность в христианстве и, согласно Символу веры, Сын Божий. Употребление фразеосочетания «Христа ради» призвано усилить экспрессию и сделать просьбу более убедительной, поскольку просящий апеллирует к верховному всемогущему существу: «Настасья Петровна не смутилась, не оробела, – только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала: – Отвези ты меня, Христа ради, к угоднику... И Тихон Ильич повез ее в Задонск. Но дорогой думал, что все равно бог должен наказать его за то, что он, в суете и хлопотах, только под Светлый день бывает в церкви. Да и лезли в голову кощунственные мысли: он все сравнивал себя с родителями святых, тоже долго не имевшими детей» [7]. Использованная здесь лексема «Бог» актуализирует образ бога как всевластного существа, могущего наказать.

Помимо лексемы «Бог» и синонимичных ей, призванных обозначить верховное всемогущее существо, которому поклоняются, в анализируемых нами произведениях достаточно частотны случаи употребления автором лексем, обозначающих названия церковных праздников. Так, использована лексема «Петровки», обозначающая название Петрова поста – одного из четырех многодневных постов православной церкви, который начинается спустя неделю после праздника Святой Троицы и заканчивается 12 июля, в День святых апостолов Петра и Павла, почему и называется Петровым [8]:

«С этих Петровок, с этой памятной поездки на ярмарку, Тихон Ильич стал поживать – и таки частенько, не допьяну, но до порядочной красноты лица» [7]. На наш взгляд, в данном случае лексема Петровки использована для того, чтобы символизировать Петров пост как точку отсчета времени. В следующем примере, используя также лексему «Петровки», автор актуализирует образ Петрова поста как времени, свободного от труда, времени, когда проводились различные увеселительные мероприятия:

«В Петровки в тот год Тихон Ильич пробыл четверо суток в городе на ярмарке и расстроился еще больше – от дум, от жары, от бессонных ночей» [7].

«Старик, который стоит перед барином вытянувшись, кротко и виновато улыбається. Что ж, мол, делать, – виноват, зажился. И он, вероятно, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку» [7]. Лексема «Петровки» в данном случае вербализует образ Петрова поста как времени, когда запрещена пища животного происхождения.

Следующие примеры, содержащие случаи употребления наименований церковных праздников, демонстрируют то, что праздники в основном служили точкой отсчета времени:

«Утирка висела возле рукомоynика с Михайлова дня. Она была так затерта, что, взглянув на нее, Тихон Ильич стиснул челюсти» [7].

«Батя ушел еще с Казанской, был дома только раз, говорил, что везде "беда", – полушубков не шьют, больше помирают, – и он только чинит кое-где у богатых мужиков» [7].

Достаточно распространенными являются также ситуации употребления в анализируемых текстах лексемы «крест» и ее производных.

В русском языке под лексемой «крест» принято понимать либо предмет христианского культа, либо молитвенный жест христиан, либо знак в виде креста, использующийся в христианстве в качестве символа смерти или символа защиты от злых сил [8].

С точки зрения религии крест является символом христианского нравственного богословия, призванным отражать все те страдания и борьбу с искушениями, которые испытывает верующий человек, если не хочет нарушить требований религии. Таким образом, в картине мира русского человека крест как символ значит очень много. Это обуславливает частотное употребление лексемы «крест» и ее производных в рассматриваемых произведениях.

Обратимся к примерам.

«За церковью блестел на солнце мелкий глинистый пруд под навозной плотиной – густая желтая вода, в которой стояло стадо коров, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливал голову голый мужик. Он по пояс вошел в воду, на груди его блестел медный крестик, шея и лицо были черны от загара, а тело поразительно бледно и бело» [7]. Лексема «крестик», образованная при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса -ик от лексемы «крест», в данном случае обозначает нательный крест, обязательный к ношению верующим человеком. Нательный крест выступает оберегом от злых сил, защищает и помогает.

«Талдыкин быстро всунул кулак в угол губ лошади, взглянул как бы мельком ей в зубы и, обтирая руку о полу, насмешливо и скороговоркой спросил:

– Так не стара? Твой дед не ездил венчаться на ней?.. Ну, да нам сойдет, получай одиннадцать желтеньких.

И, не дожидаясь ответа Корнея, достал деньги и взял лошадей за оброть.

– Молись богу да полбутылочки ставь.

– Что ты, что ты? – обиделся Корней – Ты без креста, дядя!» [5]. Употребление лексемы «крест» в данном случае актуализирует образ креста как символа веры. Его отсутствие говорит о том, что человек живет не по закону и заповедям Божиим, не боится греха.

«После ужина она с тугим животом так же быстро перебежала на печь, дралась из-за места с Васькой и, когда в темные оконца смотрела одна морозная ночная муть, засыпала сладким сном под молитвенный шепот матери: "Угодники божий, святителю Никола милосливый, столп-охранение людей, матушка пресвятая Пятница – молитте бога за нас! Хрест в головах, хрест у ногах, хрест от лукавого"...» [5]. Диалектная форма лексемы «крест» используется автором для актуализации образа креста как символа защиты от злых сил.

Актуальны случаи употребления лексемы «крест» для обозначения символа христианских захоронений. Известно, что в соответствии с православной традицией на могиле усопшего устанавливается крест для того, чтобы душа, покидая свое пристанище, могла видеть перед собой символ всепрощения и вознести перед ним молитвы: «И Тихон Ильич не спеша пошел среди деревьев и крестов, по аллее, ведущей к старой деревянной церкви» [7].

Помимо собственно лексемы «крест», автор использует родственные ей лексемы. Так, например, глагол «креститься», то есть делать ритуальный молитвенный жест в виде креста: «Странник обулся, умылся, помолился богу; широкая его спина в засаленном кафтане, похожем на подрясник, сгибалась только в пояснице, крестился он широко» [5].

«Он вылез из-за стола, повернулся к лампочке спиной и, поспешно перекрестившись три раза, с размаху поклонился в темный угол шалаша, встряхнул мочальными прямыми волосами и, подняв лицо, зашептал молитву» [7]. В данном случае автором используется деепричастие, образованное от глагола «перекреститься», и многократность, повторяемость действия призвана продемонстрировать читателю важность этого действия для человека, его производящего, сакральность, ритуальность. Крестясь после еды, выходя из-за стола, верующие благодарят бога за то, что он дал им пищу.

Помимо рассмотренных лексем, достаточно часто автор рассматриваемых произведений использует лексему «церковь». Это обусловлено, на наш взгляд, важностью церкви как культового сооружения в картине мира религиозного человека [8]. Известно, что церковь – это не только, как было нами отмечено, культовое сооружение, в котором собираются верующие. Термин «церковь» используют также для определения религиозных организаций, христианских конфессий, для верующего человека церковь – это дом Бога. Но в анализируемых произведениях встречаем обращение к лексеме «церковь» только как к репрезентанту признака «культовое сооружение»:

«Хорошо было и проснуться до солнца, розовым росистым утром, среди матово-зеленых хлебов, увидеть вдаль, в голубой низменности, весело белеющий город, блеск его церквей, крепко зевнуть, перекреститься на отдаленный звон и взять вожжи из рук полусонного старика, по-детски ослабевшего на утреннем холодке, бледного как мел при свете зари...» [7].

«И Тихон Ильич не спеша пошел среди деревьев и крестов, по аллее, ведущей к старой деревянной церкви» [7].

«Грубо торчала на голом выгоне церковь дикого цвета. За церковью блестел на солнце мелкий глинистый пруд под навозной плотиной – густая желтая вода, в которой стояло стадо коров, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливал голову голый мужик. Он по пояс вошел в воду, на груди его блестел медный крестик, шея и лицо были черны от загара, а тело поразительно бледно и бело» [7]. Рассмотрев приведенные примеры, понимаем, что церковь занимает большое место в жизни героев произведений И.А. Бунина. Она служит ориентиром, сопровождает человека в течение всей жизни, помогает легче переносить происходящее.

Достаточно частотным является употребление автором рассматриваемых произведений лексемы «икона». Икона в православной традиции является одним из наиболее популярных, распространенных символов религиозного культа, поскольку представляет собой изображение Бога, святых, каких-либо событий, т.е. лиц или действий, являющихся в православии предметом поклонения. Перед иконами совершается молитва, именно к иконе обращается верующий со своими сокровенными желаниями, просьбами и чаяниями. В анализируемых произведениях встречаются следующие случаи употребления лексемы икона:

«Настасья Петровна тайком молилась, тайком плакала и была жалка, когда потихоньку слезала по ночам, при свете лампадки, с постели, думая, что муж спит, и начинала с трудом становиться на колени, с шепотом припадать к полу, с тоской смотреть на иконы и старчески, мучительно поднимать с колен» [7].

«Тихон Ильич истово перекрестился на икону в углу» [7].

«Выставкин, тот, что посредине, держит перед грудью хлеб-соль на деревянной тарелке, прикрытой полотенцем, расшитым петухами, Бучнев и Богомоллов – по иконе» [7]. Из приведенных примеров следует, что икона в языковой картине мира И.А. Бунина – это важный предмет религиозного культа, занимающий ведущее место в жизни верующего человека; обращением к иконе сопровождаются и рутинные, каждодневные действия, и события глобального масштаба.

Помимо уже проанализированных случаев употребления религиозной лексики И.А. Буниным, можно отметить также использование автором лексемы «святой» и ее производных. Случаи употребления лексемы «святой» в рассмотренных нами произведениях являются единичными. Святой – это, с точки зрения православной традиции, прославленный Церковью, очень добродетельный и благочестивый человек, после смерти находящийся на небесах и молящийся о людях, живущих на земле. Обратимся к примерам.

«Настасья Петровна не смутилась, не оробела, – только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала: – Отвези ты меня, Христа ради, к угоднику... И Тихон Ильич повез ее в Задонск. Но дорогой думал, что все равно бог должен наказать его за то, что он, в суете и хлопотах, только под Светлый день бывает в церкви. Да и лезли в голову кощунственные мысли: он все сравнивал себя с родителями святых, тоже долго не имевшими детей» [7]. Известно, что сравнивать со святым себя человеку грешно, это попытка уподобиться Богу, поэтому, пытаясь создать вокруг себя ореол святости, человек должен понимать, что поступает кощунственно.

Встречаются употребления лексемы «святой» в составе устойчивого сочетания «Святой Дух». В христианстве Святым Духом является одна из ипостасей единого Бога. И.А. Бунин вводит в свое произведение сочетание «Святой Дух» следующим образом:

«Для забавы голубей сшибают с крыш камнями! А есть этих голубей, видите ли, – грех великий. Сам дух святой, видите ли, голубиный образ принимает!» [7]. Здесь автор демонстрирует непоколебимую веру православного человека в одно из описанных в Библии видимых явлений Святого Духа и свойственную русскому человеку жестокость.

Обнаружен случай употребления лексемы «пресвятая», образованной, очевидно, при помощи приставки пре-, имеющей значение «очень», от лексемы «святая»:

«После ужина она с тугим животом так же быстро перебежала на печь, дралась из-за места с Васькой и, когда в темные оконца смотрела одна морозная ночная муть, засыпала сладким сном под молитвенный шепот матери: "Угодники божий, святителю Никола милосливый, столп-охранение людей, матушка пресвятая Пятница – молитте бога за нас! Хрест в головах, хрест у ногах, хрест от лукавого"..."» [7].

Лексема «грех» используется автором рассматриваемых произведений редко, из чего можно сделать вывод, что грех – нарушение религиозных правил, предписаний, занимающее важное место в картине мира верующего человека, в православии имеющее классификации и карающееся, – для И.А. Бунина не играет важной роли. Рассмотрим примеры:

«Но, как всегда, хотелось уклониться от дум и разговора о боге, о жизни, и он сказал первое, что подвернулось на язык: – И рад бы в рай, да грехи не пускают» [7]. Данный пример подтверждает наше предположение о легкости восприятия героями исследуемых произведений категории греха. Это же иллюстрирует и следующий контекст:

«Для забавы голубей сшибают с крыш камнями! А есть этих голубей, видите ли, – грех великий. Сам дух святой, видите ли, голубиный образ принимает!» [7]. Грех воспринимается, на наш взгляд, не совсем в соответствии с православной концепцией.

Единичным является употребление лексемы «ангел». В православной традиции ангел – это некое бесплотное существо, которое призвано сообщать волю Бога; обычно таких существ наделяют сверхъестественными возможностями [4]. В рассматриваемых произведениях встречаем следующую ситуацию употребления лексемы ангел:

«Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева – чуть не прошлого столетия, чуньки – поконицкие, шея – высохшая и желтая, рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая, – «совсем хоть в гроб клади». А около крыльца большой камень лежал: сама купила себе на могилку, так же как и саван, – отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям» [6]. Лексема «ангел» обозначает в данном случае изображение ангела в соответствии с религиозными традициями в виде антропоморфного существа с крыльями на предмете религиозного культа.

Таким образом, проведя анализ случаев употребления и особенностей функционирования религиозной лексики в языковой картине мира И.А. Бунина на примере произведений «Танька», «Деревня», «Антоновские яблоки», мы пришли к выводу, что специфика функционирования рассматриваемой лексики заключается, в первую очередь, в необычности отбора лексических средств. В языковой картине мира автора не активны ключевые для верующего человека лексемы «грех», «ангел», «святой»; нами были проанализированы единичные случаи употребления данных лексем. Автор практически не образует производных от употребляемых лексем, исключением является проанализированный нами случай приставочного образования лексемы «пресвятая». Наиболее частотными в употреблении являются лексемы «Бог» и ее синонимы, «крест», «икона», что является закономерным и необходимым для создания картины мира русского человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Попова, Ю.С. Мотив танца в прозе Ивана Алексеевича Бунина [Текст] / Ю.С. Попова, О.В. Сулемина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №5-2 (83). – С. 275–278.
2. Попова, Ю.С. Хронотоп и герой в рассказе Ивана Алексеевича Бунина «Древний человек» [Текст] / Ю.С. Попова // Русская речь. – 2018. – №4. – С. 31–35.
3. Бугакова, Н.Б. «Чистый понедельник» И.А. Бунина: особенности функционирования религиозной лексики [Текст] / Н.Б. Бугакова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2018. – №1. – С. 62–68.

4. Бугакова, Н.Б. К вопросу о некоторых особенностях авторского употребления религиозной лексики И.А. Буниным [Текст] / Н.Б. Бугакова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – №1 (278). – С. 159–163.

5. Бунин, И.А. Танька [Электронный ресурс] / И.А. Бунин. – Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/tanka.htm>.

6. Бунин, И.А. Антоновские яблоки [Электронный ресурс] / И.А. Бунин. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/95/p.1/index.html>.

7. Бунин, И.А. Деревня [Электронный ресурс] / И.А. Бунин. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/474/p.1/index.html>

8. Подвигина, Н.Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И.С. Шмелева (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне» : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Н.Б. Подвигина. – Воронеж, 2010. – С. 153.